

АНАМНЕЗ

Его нашли в понедельник утром. Всё произошло быстро и без суеты, без криков и зевак с задранными головами. Немногочисленные прохожие шли по тротуару, и вдруг сзади что-то глухо шлёпнулось — негромко, почти деликатно, не задев ни одного кондиционера, не помяв чужую машину и не свалившись никому прямо на голову.

Руки были разбросаны в стороны, левая нога лежала под углом, не предусмотренным никакой доказательной анатомией. Затылок раскрылся аккуратно, как перезрелый плод, а из трещины набежала большая багровая лужа, растёкшаяся по асфальту маслянистым пятном. К её пузырящимся краям прилипли окурки, сухой тополиный лист и конфетный фантик. Один глаз остался на месте, в раздробленной глазнице, и равнодушно смотрел в небо. Второй откатился в сторону и поблёскивал, как потерянная пуговица, чем

привлѣк дворнягу, околачивавшуюся на местной помойке. Собака подбежала, деловито тронула его носом и принялась увлечѣнно вылизывать.

Нижняя челюсть погибшего чуть сдвинулась вправо и вниз, болтаясь на широком лоскуте, а в верхней остался торчать его фирменный белый клык, как забытый штырь в отремонтированном фасаде. Только по нему, пожалуй, и можно было опознать Георгия Рыбакова — заместителя главврача клиники превентивной медицины. Ведь сама голова после приземления напоминала начинѣнную костными обломками гнилую клубничную ягоду.

В баре в этот раз пахло так же странно, как и везде. Подвал, уставленный полированными столами, затянуло сернисто-застарелым дымом, который перебивал противный ванильный освежитель. Он брызгал из-под потолка каждые полчаса, отчего врачу антивозрастной медицины Матвею Темникову казалось, что он сидит в морге, где кто-то ещё и жарит печень..

В последнее время у него были проблемы с запахами — они стали какие-то извращѣнные и дурные. Обычное жареное мясо с некоторых пор начало фонить известью, которую будто бы гасили застарелой мочой. Мандарины обволакивали ноздри тяжѣлым йодированным паром. Варѣные яйца воняли ацетоном. А позавчера в одном из ресторанов Матвей едва не устроил скандал: он чѣтко учуял сильный запах утечки газа и требовал от администратора немедленно вызвать газовую службу и вывести всех на улицу. Охрана вывела только его самого — этот запах слышал только он.

Сейчас Темников сидел в углу барной стойки, спокойно пил четвёртый виски и, можно сказать, поминал Георгия. Матвею было плохо. Не так, как бывает с похмелья или по-

сле череды суточных смен — всё это было знакомо по прошлой жизни, — а как-то иначе: глубже, тише, безнадежнее.

Ещё месяц назад всё было иначе. Съёмная однушка в Подмоскowie, обои в цветочек, въевшийся в стены запах варёной капусты. Вставать в рань, идти в очередь на автобус до метро, а потом в человеческой толчее целый час добираться до станции скорой. А дальше работа: бабки с давлением, алкаши с пробитыми головами, истеричные матери с вечно сопливыми детьми, одинокие старики, вызывающие скорую просто поболтать. И он ехал, ехал и ехал — по пробкам, по дворам, шагал по лестницам с разбитыми ступенями. Спина к вечеру гудела, как трансформаторная будка, а в голове — вата, вобравшая грязь со всех задниц, которым пришлось за сутки делать внутримышечные инъекции.

Но когда после очередной смены он по привычке пришёл к своему однокурснику Георгию подзанять денег — изменилось всё.

Квартира была новая, съёмная, с видом на Москву-Сити: стеклянные башни торчали вдали и в тот вечер вызывающе блестели огнями. Матвей уже в третий раз сидел на этом чёрном кожаном диване и держал в руке конверт. В нём лежали три рыжие хрусткие бумажки, которые лёгкой, щедрой рукой в очередной раз вручил Георгий, не настаивая ни на каких жёстких сроках.

В универе Георгий был «Жорой» — троечником: вечно потным, прыщавым и с хвостами, которые накопились до такой критической массы, что с пятого курса его попросту отчислили. Неизвестно, каким чудом он всё же получил диплом и оказался в клинике превентивной и антивозрастной медицины. Полгода назад Матвей случайно столкнулся с ним в одном из центров дополнительного образования.

Вот так встреча! Жору было не узнать: накачанный, прожаренный в солярии до цвета молочной ириски, с лоснящимся лицом, будто его изнутри смазывали сливочным маслом.

Единственное, что выдавало в нём прежнего Жору, был клык — верхний правый, криво торчащий. Зубы у Георгия были идеально ровные, белые, но этот клык при каждой улыбке нелепо вылезал наружу. Сам он решил его не удалять — уж больно нравился. Можно сказать, его фишка!

И тогда, расхаживая по гостиной перед мнущим в руках конверт Матвеем, Жора уговаривал его бросить скорую помощь и перейти работать на приём к нему в частную клинику.

— Значит, смотри, Матвей... Приходит к тебе тётка и жалуется, что лицо по утрам отекает, а ты ей: «Надпочечники устали, милая». И щитовидка под вопросом. Назначаешь ей: кортизол в слюне по всем фазам, тэтэгэшки, антитела, УЗИ щитовидки, ферритин, витамин Д и витамины на все остальные буквы, на которые хватит денег. Это уже в нашей клинике двадцать пять кусков. Дальше лечение... Обязательно авторская схема: добавочки — родиола-хуэла, селен, йод в микродозах, плюс капельницы с магнием и витаминами, которые вылезли за референс. Ещё двадцать пять кусков! Из всей суммы десять тысяч тебе в карман. И это базово...

— Что значит «базово»? — не понимал Матвей, мрачно заглядывая в конверт.

— Ну присмотришься к ней! Что на лице видишь? Прыщи! А прыщи — это что? — поднимал указательный палец к потолку Георгий.

— Это к дерматологу... — угрюмо отвечал гость.

— Нет-нет, пациентов мы не футболим! Если взялись — несём полную ответственность! Это, дорогой мой, дырявый кишечник и кандида. И дальше ты добавляешь: антитела

на сто продуктов, копрограмму, кальпротектин, анализы на микробные маркёры, всё, что нужно. Плюс диета. И что ещё? Верно: пробиотики, масло орегано, цинк, псилиум, чтобы срала за километр и думала, что шлаки выходят. А это ещё плюс пятьдесят тысяч! — Жора загибал пальцы.

— Слушай, это же чистый развод пациентов на бабки! Я так не могу...

— Это называется максимальный комплексный спектр диагностических услуг, — возражал Жора. — Мы не только исключаем, но и предупреждаем самое страшное. Приходит человек, говорит: «У меня тут чешется». Банально? А ты знаешь, сколько за этим «чешется» может отстоять? От простого дерматита до первичного билиарного холангита, при котором печень разваливается, а человек ходит и не знает, что одной ногой на том свете. А головная боль? Миллион причин: от переутомления до аневризмы, которая вот-вот рванёт. А большой живот — от несварения до острого панкреатита или прободной язвы. А мы должны гадать на кофейной гуще?

— Не знаю... Как-то не по-человечески... — пожал плечами Темников.

— А то, что в государственных поликлиниках творится, по-человечески? Там к пациенту относятся как к говну. Плюют на них! Говорят: «Меньше жри, меньше бухай, больше двигайся». И всё! До свидания! А человек хочет, чтобы его выслушали, взяли за руку, объяснили и дали волшебную таблетку. Это рынок, Матвей. Огромный, жирный рынок! Эти люди всё равно куда-то придут. Деньги у них есть, и они готовы их отдать. Так почему эти деньги должен забрать не ты?

— Потому что мы забираем не просто деньги, а время, здоровье и жизнь! — подорвался с дивана Матвей.

— Не лепи из меня сатану! Тебе никто не предлагает раковых больных лечить подорожником, а диабетикам вместо инсулина рекомендовать приседания и соки для детоксикации! Мы оказываем помощь в том объёме, который от нас хотят получить пациенты. Это главное! Ты сам-то чего хочешь? Всю жизнь в своей вонючей совковой однушке сидеть? Каждый месяц ко мне приезжать за пятнашкой до зарплаты? Мне не жалко, ты поверь. Просто обидно, что ты свои знания просираешь на скорой за копейки...

Жора качал головой, расхаживая перед Матвеем и сомкнув руки за спиной.

— Чувствую, вляпываюсь в какую-то схему, за которую ещё дорого поплачусь... — почесал затылок Матвей и снова уселся на диван.

— Опять за своё! Ты непрошибаемый! Отдавай конверт! — рассвирепел вдруг Жора и шагнул к должнику, требовательно протянув руку.

— Я согласен!

— Отдавай обратно!

— Не отдам! — неожиданно громко крикнул Матвей и тут же одёрнулся, будто испугался самого себя. — Я знаю, на что иду!

— Тогда по рукам? — строгое выражение лица хозяина квартиры, невольно обнажившего свой клык, сменилось добродушной усмешкой.

— По рукам... — ответил Матвей и с твёрдым хлопком пожал протянутую руку.

* * *

Темников уволился быстро и без церемоний: зашёл, положил обходной лист на стол заведующему, кивнул санитар-

кам и выскочил на воздух, будто из душного заплесневелого подвала.

С тех пор всё пошло в гору. Матвей втянулся неожиданно хорошо, и схемы потекли одна за другой: где-то капало с «проверки микробиоты» для тревожной девицы, где-то набегало с «детокс-программы» для раздобревшего чиновника, у которого после баньки и коньячка побаливал правый бок. А ещё приваливало с капельниц, расшифровок анализов под авторскую схему и даже с «уколов красоты». Деньги пошли такие, что прежняя работа на скорой стала казаться лихорадочным сном.

С квартирой тоже решилось: поправившееся материальное положение позволило переехать. Не в центр, но уже на несколько километров внутрь МКАДа, в свежую однушку на восемьдесят квадратов. И главное — дорога! Двадцать минут до клиники, что позволяло не просыпаться в шесть утра, а спокойно пить кофе, глядя в окно на ряд припаркованных иномарок, а не на стену соседней пятиэтажки.

А сейчас — никаких тебе ночных воплей, блевоты в салоне, вони чужого немытого тела. Сидишь в чистом кабинете, пахнет кофе и кондиционером, люди приходят умытые, с деньгами, смотрят в рот. Особых усилий не прикладываешь — назначил, расписал, улыбнулся. А они возвращаются! Да ещё и благодарят! Счастливые, просветлённые, с блеском в глазах!

Матвей начал уходить в загул. Выходной — значит, в ресторан, оттуда можно и в клуб, после которого он проснулся дома с незнакомыми спутницами. Начальство было довольно, пациенты — тоже. План Матвей выполнял, касса звенела.

А вот Жора почему-то перестал выходить на связь. После их памятной встречи он лишь раз мелькнул в клинике, сухо поздоровавшись на бегу с источающим счастье Темни-

ковым. Но тот был какой-то дёрганный, бледный, с глубокими тенями под глазами и даже ни с кем толком не пообщался.

Через неделю, когда в клинике узнали про гибель Жоры, всех словно ударило током. Врачи стояли в коридорах и переговаривались вполголоса, кто-то даже плакал. Матвея тоже пробрало холодным, коротким ощущением растерянности. Но постояв секунд десять, он почувствовал, как его тут же отпустило. Даже слегка смутился — всё-таки человек погиб, только что был живой — и на тебе! Но тут же здраво рассудил: чего сокрушаться? Они особо и не дружили. Встретились случайно через много лет. Жора жил как хотел и умер как решил — его право. А Матвеем он помог, и за это спасибо. В конце концов, каждый архитектор своего конца.

Но с тех пор Темникова внезапно стало подводить здоровье. Сначала просто беспокойно спалось, и простыня к утру сбивалась в жгут, влажная и холодная, будто змея. Потом появились странные запахи, как сейчас в баре — сладковатые, гнилостные, они волнами настигали Матвея повсюду. Он грешил на зубы или желудок — может, бактерии гниют внутри?. Сходил к стоматологу, потом на гастроскопию — ни намёка на патологию.

Затем еда начала терять привычный вкус. Мясо стало пресноватым, кофе отдавал жжёной резиной. А в одной компании он вдруг учуял тухловато-сладкое прямо посреди разговора, начал оглядываться, а люди смотрели на него с недоумением.

Тусовки по выходным шли своим чередом, но что-то после смерти Жоры сломалось. Матвей вписывался в компании и через час уже тосковал с таким остервенением, что хотелось просто встать и бежать. Алкоголь перестал брать: пил, пил, а эффект смазанный, ватный — ни лёгкости, ни веселья, только утром чугунная голова и желание похмелиться.

На приёме тоже переклинило. Раньше он с азартом выстраивал схемы, смотрел на пациента, прикидывал, что добавить, как красиво упаковать в «комплексный подход» на жирный чек. Теперь сидел, слушал жалобы и ловил себя на том, что ему всё равно. Деньги капали, план выполнялся, но радости от этого не было. Как будто кто-то украл красоту и смысл процесса, оставив только бюрократические ритуалы.

А потом закопошились мысли... Не голоса ещё. Просто образы...

Едет он в метро, как внезапно представит себе, как поезд пробегает остановку, двери не открываются и везёт его куда-то без остановок — в вечность. И весь день эта картинка потом крутится перед глазами.

Или вдруг подумает про открытое окно в кабинете, подойдёт, засмотрится в него, попытается вспомнить, на каком он этаже — третьем или четвёртом. И потом несколько часов мысль возвращается сама собой, как язык к больному зубу, заставляя снова подходить к окну и подолгу смотреть с подоконника вниз.

А ещё пространство незаметно стало сжиматься. В лифте душно, в метро тесно, в ресторанах шумно. Везде что-то не так, везде становилось как-то дискомфортно!

Затем добавился шум внутри черепа — негромкий, но постоянный, как вентилятор на малых оборотах. А ещё в глазах постоянно что-то набухало, будто на самой сетчатке появлялось тёмное уплотнение воздуха, вроде сырости. Но стоило скосить глаз — оно пропадало...

И вот, отпустив в один день очередную даму с горой добавок, он переоделся и поехал домой.

Дома Матвей заметил, что квартира тоже начала незаметно ужиматься. Потолок мерно и ритмично заходил

вверх-вниз, будто грудная клетка. Но Матвей тёр лицо руками и вроде всё вставало на место.

Попытался уснуть — не вышло. Пошёл в ванную умыться, но вода отдавала сернисто-хлористым, а по трубам что-то грубо застучало, будто там завелось живое.

Выключил свет. В темноте он видел квартиру отчётливо, не как днём, но как-то по-своему ясно, будто глаза переключились на другой регистр. Сбоку в спальне скрипнуло — показалось, стол чуть сдвинулся. С полки упала книга. Матвей поднял, повертел и задним числом сообразил, что, наверное, сам её задел.

Но дальше пошло хуже... Что-то внутри начало набухать волнами. Не похожее на панику или страх, а просто на что-то неосоздаемое, распирающее, с дрожью в ногах. И снова из-под крана потянуло гнилостно-горелым — густо и влажно. Мельтешение в глазах пошло волнами, шум в голове стал плотным и почти осязаемым. Перед глазами возникло пятно — то самое, что настигло его ещё в кабинете, но теперь его нельзя было прогнать просто проморгавшись. Пятно нагло набухало посреди комнаты и не исчезало. Хуже того — у него начали появляться какие-то черты. Не лицо, не фигура, а намёк на них, как когда долго смотришь на случайное пятно на стене и мозг сам начинает лепить из него человекообразное.

Шум в голове усилился, в глазах пошла чёрная рябь, а гнилостный запах усилился до того, что Матвей почувствовал, как желудок поджался к пищеводу.

Он рванул на балкон, распахнул дверь и вцепился в перила. Его накрыла тёплая, тошнотворная, как выдох из открытой могилы, волна. Она же и подтолкнула его вперёд, так что он по инерции перегнулся через перила почти по пояс и завис над улицей.